

Л атунный колокольчик у входной двери звякнул тихо и немного виновато, словно оправдываясь, кенар в посеребренной клетке отозвался скрипучим фальцетом. Горничная Мавруша бросилась открывать, долго возилась с замком и наконец распахнула дверь. Приподняв край тяжелой портьеры, в прихожую шагнул закройщик Шапиро, сутулясь и прижимая к животу бумажный сверток, перевязанный толстой бечевкой.

— Костюмец принес. Почти готов-с. Примерить надобно-с.

Мавруша приняла шляпу, засуетилась, снимая с гостя пальто и отряхивая снег с пелерины.

Внутри квартиры зашаркали тапочки: хозяин, любивший поспать до одиннадцати, торопливо искал халат.

Костюм обещал быть идеальным. Андрей Андреич Кум-Лебедянский, главный редактор «Петроградского музыкального листка», изогнул шею, выудил в зеркале часть собственной спины, обтянутой дорогим аспидно-синим сукном, и заулыбался своему отражению.

«А умеют же, черти», — подумал он, с некоторым восхищением наблюдая, как порхает вокруг него,

точно летняя мушка, сухонький лысоватый Шапиро, где-то подкалывая булавкой, где-то рисуя мелом одному ему понятные пунктирные штришки.

Андрей Андреич мельком взглянул на фотографию в тяжелой бронзовой рамке. Там он с дочерью Натальей стоит, облокотившись на перила белой бутафорской лестницы, а позади плещется нарисованное море. И фотография-то сделана всего месяца два назад, но до чего молодо он вышел, иной не даст и сорока лет, точно не папенька, а кавалер он статной красавице Наталье. Усатый фотограф тогда все щелкал языком и приговаривал: «Какая изумительная пара!»

«Рано еще записывать меня в старики!» — прищурился Андрей Андреич, снова поворачиваясь вокруг зеркала и втягивая живот. Костюм скидывал лет десять, а то и больше.

— Цвет, цвет, Андрей Андреич! Капитально к лицу вам! В Париже только у Дусе и Пакена такое сукно сыщите-с! — суетился Шапиро. — И фасончик-с молодит.

«А ведь и правда, — подумал Андрей Андреич. — Не скажет теперь хитрый лис Волобуев в своем бульварном журнальчике, что, мол, пропахла старая гвардия нафталином!»

— Пуговички-с принес. Взгляните. — Закройщик разложил на столе разноцветную россыпь, выудил

нечто квадратное. — Вот эти-с, любезнейший Андрей Андреевич, самое то будет. С этими пуговчиками-с вы первейшим франтом обозначите!

Ловким движением пальцев Шапиро прикрепил к сюртуку на английскую булавку черную квадратную пуговицу, отошел шага на три полюбоваться.

— Уж больно... — Андрей Андреич подыскивал точное слово, — уж больно авангардно.

— Что вы, золотой мой Андрей Андреевич! — замахал коротенькими ручками закройщик, — вы уж поверьте моему опыту. Именно квадрат-с, именно квадрат-с! Это самый перфексьон! Магическая сила! Апогей! Пик Памира! Только, только квадрат-с!

Андрея Андреича одолевали сомнения. Не обсмеют ли? Хотя и окружают его люди искусства и многие еще и не то на себя напяливают, но все же...

— Да с таким костюмцем вы покажете им, — уловил его мыли Шапиро, — и изъясните-с, что лучше кого бы то ни было... На пенном гребне волны-с, тэсэзэть, за пояс их всех заткнете! Убьете наповал!

Шапиро быстро тыкал пальцем в потолок — туда, где висела разлапистая люстра, как если бы именно там и находились незримые «они», кого новый костюм должен был убить наповал.

— Чистый модерн-с! — Палец закройщика, точно шило, проткнул петлю и скovyрнул пуговицу, как сливовую косточку. — Ведь двадцатый век! Пятнадцатый год на исходе! Закостенелая классика отступает перед бодрым шагом футура!

«А ведь прав, поди, — размышлял Андрей Андреич, вертя в руках пуговицу. — Что ж я, совсем пыльный старик? Закостенелая классика! Пусть знают, что и Кум-Лебедянский кое-что смыслит в тенденциях!»

Он еще раз взглянул на фотографию, подмигнул себе, моложавому, и красавице дочери, представил, как придет в костюме на вернисаж и как знакомые будут разглядывать его, почувствовал немое уважение в кивках издателей, и зависть в глазах модников, и восхищенный шепот молоденьких худошавых поэтов. И улыбнулся в бородку втайне от Шапиро.

Мавруша закрыла за гостем дверь, собрала в гостиной поздний завтрак. Настроение у Андрея Андреича было отличное. Закройщик успеет к Рождеству, и можно было подумать о предстоящих визитах. На тарелке дымились сырники, густая шапка сметаны на блюде напомнила утренний разговор, в ушах звенел голос закройщика: «Пик Памира». Андрей Андреич захохотал, отправил в рот большой кусок кулебяки и развернул свежие «Ведомости». За сводками новостей с фронта и анонса рождественских лотерей он увидел обведенное двойной рамкой объявление о выставке в арт-галерее товарищества «Новое искусство» на Мойке. Глаза выхватили обрывки рекламных фраз:

«Синий всадник»... экспрессионисты... новое слово... Кандинский, Беревкина, Франц Марк, Явленский... бурлеск красок и линий...

Знатокое современной живописи Андрей Андреич себя не считал, однако в своем кругу слыл человеком тонким, не чуждым новым веяниям искусства. Вернисажи последних лет чаще вгоняли его в глубочайшую тоску, однако сегодня был какой-то особенный день. То ли синяя суконная искра, то ли квадратные пуговицы так взбудрили его, только день он решил непременно перекроить на новый лад: сперва на вернисаж, а затем уж, к вечеру, и в редакцию. И, довольный собой, с наслаждением отхлебывая крепкий чай из расписной пузатой чашки, Андрей Андреич принялся обводить рекламу кусочком мела, оставленным Шапиро.

Не успел он закончить, как требовательно заговорил колокольчик у входной двери и, вторя ему, заговорил кенар.

— Кого еще нелегкая принесла? — Андрей Андреич поставил чашку на блюде и взглянул на остывающие сырники. — Неужто Шапиро за мелом вернулся?

Но подозревать робкого маленького закройщика в том, что тот осмелится потревожить его в это утро еще раз, да еще таким уверенным — даже нагловатым — звяком с лестницы, было бы и правда смешно. Мавруша засемила в прихожую, на ходу снимая передник, кряхтя, отодвинула тугой засов. Послышалось ее ойканье и молодецкое басовитое «здоровы будете», в дюже перекате которого Андрей Андреич, к своему великому разочарованию, не смог уловить знакомых нот. От радужного настроения вмиг не осталось и следа.

В комнату, словно снежный ком, да прямо в снятых калошах ввалился молодой человек и, пихая лохматую шапку оторопевшей Мавруше, зычно вопросил:

— Вы будете господин Кум-Лебедянский?

Оторопевший Андрей Андреич хотел было произвести что-либо изящно-светское, подходящее ситуации, но, сбитый с толку румяным здоровым видом непрошеного гостя, лишь сумрачно кивнул и предложил ему раздеться в передней, зачем-то прибавив: «Хотя бы верхнее».

Через полминуты гость снова возник в гостиной, приглаживая пятерней непослушный соломенный вихор:

— Позвольте отрекомендоваться. Макар Твердый, поэт.

Его обветренные пальцы забегали по деревенской косоворотке, будто бы он чесался, потом пятерня нырнула за воротник, и Андрею Андреичу показалось, что сейчас он выудит блоху.

«Под Есенина старается, — подумал, оглядывая гостя с ног до головы, хозяин. — Крестьянский поэт.

Впрочем, в нынешних салонах успех бы имел. Независимо от качества стишат».

Макар, пыхтя и отдуваясь, достал из-за пазухи белый конверт, приложил его к животу, разгладил лапшей, словно чугунным утюгом, и вручил хозяину.

— Извольте чаю? — спросил Андрей Андреич, делая Мавруше знак глазами. На столе тут же появилась вторая чашка.

Пока гость уплетал за обе щеки сырники, кулебяку и припасенную Маврушей к обеду холодную буженину, Андрей Андреич вчитывался в мелкий знакомый почерк и никак не мог взять в толк, отчего его старинный друг Яблоков, консерваторский педагог и человек серьезный, взялся покровительствовать этому увальню.

— Говорил, напечатаете меня, — комментировал с набитым ртом Макар. — Уверял, что не откажете.

— Так ведь, милейший мой, у меня не поэтический альманах, а «Музыкальный листок». Мы не печатаем поэзию.

Макар оторвался от еды и так посмотрел на Андрея Андреича, что тот еще раз пожалел, что не пошел с утра пораньше в редакцию.

— Ну иногда, конечно... Исключительно патриотические вещицы. Оды Родине, например. То, что можно положить на музыку. Мы же музыкальное издание. Вы пишете патриотические оды?

Макар пожал плечами, прожевал буженину, чинно вытер рот салфеткой и, резко встав — так что с грохотом опрокинул стул, — начал декламировать стихи.

Андрей Андреич нашел, что муза у поэта Твердого была капризной. И хотя к поэзии он относился критично, отметил про себя, что некоторые четверостишия были неплохими.

— Вот же я про рожь и про жнивье. Чем не Родина? — гремел Макар.

Отказывать Яблокову Андрей Андреич не хотел, да и что за услуга — сушая безделица: напечатать на две колонки, не больше.

— Да-да. Вон предыдущее, про русский пот и страду. Это, пожалуй, возьму.

Довольный гость кивнул и боле ни о чем не просил, чем приятно удивил хозяина. Андрей Андреич даже потеплел и подумал: «Что я, право, точно старый ворчун. Буженину ему пожалел. Вот она, наша молодая румяная смена!»

Почему молодая румяная смена не на фронте, он спросить постеснялся.

— А что, друг мой, надолго ли в Петрограде?

— Один день. Переночую у двоюродной тетки. Потом домой, на Псковщину. Работать надо. Писать! — Макар отвалился на спинку стула и свел к переносице пшеничные брови. — Да и женюсь я. За подарками приехал. Уже набил мешки!

И снова Андрей Андреич просиял. «Что я, в самом деле, встревожился — вот молодой парень, поэт, ночевать не просится, подарки уже купил. А я, как скупердяй, сжался весь: не дай бог что выпрашивать вздумает. А стишата — безделица сушая, напечатано, не бог весть какая и услуга». И тут же, как в доверок, вспомнились слова Гришки Распутина: «О народушке надо думать. О народушке».

— Вот что, сердечный мой поэт. А не желаете ли приобщиться к искусству? Один день в Петрограде — это ведь ого-го как много значит для тонкой поэтической души, о-го-го! — И Андрей Андреич указал на рогатую люстру — туда, куда час назад тыкал коротеньким пальцем Шапиро.

Идея была проста и в общем-то никак не сбивала намеченных на день планов Андрея Андреича. Крестьянский поэт был любезно приглашен сопроводить его на выставку в арт-галерею.

От Песков, где жил Андрей Андреич, до Мойки добрались на извозчике. Искрился снег, и в желтом свете фонарей город был торжественно красив, словно принарядился к рождественской неделе. «Возьму над ним, так сказать, культурную опеку, — в благородном порыве думал Кум-Лебедянский, поглядывая из-за высокого воротника на Макара. — Мальчишка еще, возраста дочери, а то и моложе. Пусть запомнит Петроград таким, каким я его покажу».

У галереи толпился народ, экипажи и таксомоторы.

— Мой друг, сейчас вы станете сопричастны удивительному, волшебному превращению. Я даже завидую вам малость. — Андрей Андреич по-отечески хлопал поэта по широкой спине. — Завидую, потому что вы впервые увидите экспрессионистов.

Макар шмыгнул носом и последовал за Андреем Андреичем в высокую дверь, которую любезно открыл перед ними бровастый вернисажный распорядитель.

В залах былолюдно. Андрей Андреич наблюдал за поэтом, но по выражению его лица не мог понять, задела ли хоть одна из работ какие-то потаенные струны Макаровой души. У одной из картин поэт остановился, встал, широко расставив ноги, и громко спросил:

— А почему у девочки лицо зеленое?

К ним со всех сторон устремились любопытные взгляды. Андрей Андреич взял Макара под руку и, снисходительно улыбнувшись, прошептал:

— Тише, друг мой. Это Явленский.

Макар удивленно посмотрел на Андрея Андреича, ожидая, видимо, продолжения фразы. Явленский... и что? Но продолжения не последовало.

Рядом с зеленой девочкой на стене висели красные дома, похожие на собачьи будки, синие вытянутые

старухи и, судя по ноздрям, лошади, дальше что-то невыносимо абстрактное в асимметричной раме. Выражение лица у Макара было такое, как если бы он хотел сплюнуть, но стеснялся.

— Не понимаю я. Чего они все охают? Палки какие-то. Рожи на портретах кривые и цветов ненатуральных. А это что, зигзаг или рука у него дрогнула? — Он ткнул в полотно Франца Марка и наклонил голову набок.

Андрей Андреич терпеливо дослушал температурные отзывы далекого от тонкого столичного искусства псковского варвара, выдержал паузу и, словно пробуя на язык каждое свое круглое слово, смакуя его ароматный сдобный привкус, произнес:

— Эти линии, Макар. Взгляните на эти линии. Как прекрасны они, Макар, как величественны в своих изломах! Это новые формы, Макар. О, это уже не робкий поиск, это истинная экспрессия, идущая от адамовых истоков совершенного естества! Не ищите портретного сходства, Макар. Эти лица смотрят в суть вещей, и пусть они, как вы говорите, кривы, но вслушайтесь в себя, Макар, вслушайтесь!

Поэт задвигал скулами, отчего уши его зашевелились, — видимо, и правда, попытался последовать совету и вслушаться в себя. Андрей Андреич продолжал:

— Как плоски теперь кажутся окаменелые традиции академической живописи, как лапидарны! Взгляните. — Он подвел поэта к портрету кормящей матери, на которой сквозь штрихи и кляксы проглядывала вытянутая женская грудь с соском. — Зачем нам пресная скука бесстыжих венер? Они холодны. Здесь, здесь горячая кровь, здесь жар экспрессии! Вот она, новая мадонна!

Макар приблизил нос к фиолетовому мадоннину соску. Андрей Андреич мог бы поклясться, что услышал, как медленно и скрипуче двигаются шестеренки в его черепной коробке.

— Вы же поэт! Вы рыцарь муз! Вам ли не испытывать здоровый восторг от новых форм!

— Старые формы по привычке будут. Не по-нашему все это как-то... — процедил сквозь зубы Макар.

Андрей Андреич снисходительно улыбнулся и почувствовал себя молодым и по-весеннему свежим. Вот стоит сейчас рядом с ним парень — кровь с молоком, а ведь дряхлее его будет, хилее в своих заскорузлых воззрениях на отжившее искусство! Ах, жаль, не успел Шапиро с костюмом! Как бы хорошо смотрелся синий сюртук на вернисаже! И непременно с авангардными квадратными пуговицами!

Андрей Андреич выпрямился, приосанился. И как-то жалко стало Макара Твердого. Не понимает, не понимает... Старик в молодом теле!

— Почувствуйте, мой друг, почувствуйте! Какая магическая сила в этих полутонах, в этих непривыч-

ных, новых изгибах! Закошенная классика отступает перед бодрым шагом футура! Присмотритесь: это же перфексьон, пик Памира!

Андрей Андреич вдруг поймал себя на том, что говорит словами Шапиро, осекся, закашлял.

Вышли молча. Распрощались. Макар Твердый сбивчиво поблагодарил Андрея Андреича, натянул нелепую лохматую шапку и пошел прочь. Андрей Андреич решил пройти до издательства пешком, благо не так уж и далеко — минут двадцать по хрустящему снежку. Рано, рано его записывать в старицы! Да он, поди, раза в два старше псковского поэта, а ведь моложе того по духу будет! А все искусство, свежая кисть молодых, свобода иных форм! И так дышалось хорошо, Андрей Андреич развязал кашне и шел, наслаждаясь свежим декабрьским воздухом, — пальто нараспашку, жарко, жарко, горячит кровь!

На Миллионной, у типографии «Северная печать», его догнал Гораций Волобуев, главный редактор журнала «Овод», шумный тучный человек с ветчинным носом.

— Дружище! — заорал Волобуев на всю улицу. — Пойдем со мной к мадам Добычиной! Футуристы там. Такого, брат, долго ждали! Экая, скажу тебе, выставка там!

— Да я только что, тэсээть, — замямлил Андрей Андреич, жалея, что не пошел через безлюдный Мошков переулок, — только что с вернисажа. «Синий всадник», новые формы...

— Да брось! Твой «Синий всадник» — сущее старье по сравнению с тем, что у Добычиной! Вот там, брат, настоящие формы, настоящее новое искусство! Супрематисты, слышал?

— Нет, — наморщил лоб Андрей Андреич, — не слышал.

Но любопытство взяло верх: подождет редакция, уж больно красочно возбуждался Волобуев.

— А и пойдем!

До дома Адамини на углу набережной Мойки и Царицына луга дошли скорым шагом. На двери, под вывеской «Художественное бюро Н. Е. Добычиной», висел чуть испачканный ватман, на котором большими черными буквами было выведено «Последняя футуристическая выставка картин "0,10"».

— Последняя! Чуешь, старик, все! Искусства — как его понимаешь ты — больше нет. Умерло. Это высшее. Самый пик, понимаешь? Выше просто не может быть! Апогей!

Народу было мало. Вдоль стен висели картины со сложной геометрией, в рамах и без — Андрей Андре-

ич их даже не разглядывал, влекомый Волобуевым в дальнюю залу. Там, будто икона в красном углу крестьянской избы, висел ОН — черный квадрат на белом фоне.

— Геометрия божественного естества, — прошептал ему Волобуев. — Малевич.

— А как называется? — зачем-то спросил Андрей Андреич.

— «Черный квадрат», — восхищенно просвистел в ухо Волобуев.

Андрей Андреич долго стоял, сложив руки за спиной, и вглядывался в картину. И вот-вот, казалось ему, еще мгновение — и постигнет он тайну божественной геометрии, вот еще доля секунды... Но квадрат уплывал от него куда-то вдаль, полз по стене в окно, вытекал в форточку прямо на скованную седым льдом Мойку, надсмехался над Андреем Андреичем, чуть ли не хохотал басом.

— Это вершина, брат, это вершина! Пик Памира! — перекачивал звуки в горле Волобуев, точно голубь.

При этих словах Андрей Андреич вздрогнул и, нацепив пенсне, поднес глаза к черному телу квадрата.

Нет, не дано... Не дано ему все же постигнуть... Не понять...

— Вот она, горячая кровь, жар экспрессии! Магическая сила! Ты ведь находишь?

Андрей Андреич силился, но не находил.

— Но почему квадрат? — вдруг спросил он.

— Совершенство! — ткнул себя шапкой в грудь Волобуев. — Искусства нет. И не было до сегодняшнего дня! Закостенелая классика отступает перед бодрым шагом футура! Апогей! Пик Памира!

Андрей Андреич вдруг четко услышал в словах Волобуева шепелявый вкрадчивый голос Шапиро. Казалось, тот издевается над ним, влез вот в квадрат, назвался новым искусством. Старый бес-закройщик! Мистика!

Что-то смущенно пробормотав Волобуеву, Андрей Андреич не к месту старомодно раскланялся и быстрым шагом пошел к выходу.

Поднявшийся ветер на Царицыном лугу рвал шапку, плевался снегом в лицо, забирался под воротник, щупал ребра под пальто, точно нищий свой медный грош в кармане. Андрей Андреич шел, ссутулившись, и думал о том, что он все-таки стар. И казался он себе даже ниже ростом, и намечающаяся плешь на затылке в мыслях его съела всю голову и, вероятно, блестела там, под шапкой. Какая нелепая мысль была возвыситься хоть на мгновение над этим давешним мальчиком, деревенским поэтом! И что он, он — Кум-Лебедянский — смыслит в искусстве? Ноль. Это про него говорил плакат на доме Адамини «Ноль-десять». Дряхлый старик! Глупец! Смешон, смешон! «Только квадрат-с!» — свистел в ушах голос Шапиро.

На морозе костенели руки, но перчаток он так и не надел — вместе с пальцами костенела его душа, не способная к свежему глотку творений новых форм. В глазах темнело, и проталины на Царицыном лугу казались черными квадратами. Они будто подскакивали на замерзших кочках, бесновались, хохотали. А ветер все рвал полы пальто, и чудилось Андрею Андреичу, будто и пальто его скроено из наглого черного квадрата — и не выбелить его ничем, не вытравить и даже углы ножницами не закруглить...

Поднявшись в свою квартиру и постояв минуточку, прислонившись к натопленной изразцовой печи, он подошел к секретеру, взял перо и бумагу и вывел убористым почерком — без завитух, на скорую руку: «Любезнейший Лейба Яковлевич, пожалуйста, не надо квадратных пуговиц. Пришейте что найдете, привычных форм».

И, подписавшись размашисто, велел Мавруше одеваться и бежать к закрыщику в Дегтярный.